

Полустанок

108

два рассказа

– НА пятый путь прибывает скорый поезд № 89 сообщением Круглое Поле – Москва. Стоянка поезда тридцать шесть минут. Внимание! Будьте осторожны, на пятый путь прибывает скорый поезд...

Надька схватила коробку с товаром и бросилась к выходу из вокзала. Надо же, проспала! Московский проспала! Вроде и присела-то на пару минут, задремала в лёгкую. И – поди ж ты! Теперь придётся у плацкарта торговать, места у купейных конкуренты займут. Одно утешение, в последние кризисные годы мало кто в ночную выходит. И вообще, торговцев поубавилось – кто работу нашёл, кто уехал из посёлка в поисках лучшей доли, кто спился, кто умер. Оставшиеся старались днём работать.

Но Надька привыкла торговать по ночам. Конечно, покупателей меньше, многие пассажиры вообще не покидают поезда, спят. Но те, кто всё же вылез на перрон размяться и подышать – сонные, вялые, соображают не слишком хорошо. Оттого впарить им набор рюмок, стеклянную собачку или вазочку с подсветкой легче. Да и брак на товаре в темноте не виден.

Состав уже остановился. Будущие клиенты неспешно выходили из вагонов, доставали сигареты. Надька перебралась через пути и побежала в конец платформы, туда, где не было навязывающих пассажирам своё барахло коллег. Больше десяти минут потеряла драгоценного времени из-за сна. Но, может, удастся отбить – у последних двух плацкартных вагонов никто из местных не крутился.

– Мужчина, купите жене подарок. Смотрите, ваза какая красивая. Даром отдаю, на работе не платят, вот приходится, – привычно начала обрабатывать первую жертву Надька.

– Да я не женат, – широко зевнув,

отозвался полный мужик средних лет в спортивном костюме и закурил.

– Такой видный мужчина и не женат, обманываете, – отреагировала Надька. – Тогда набор рюмок купите, чтоб с женщиной какой выпить.

– Да не надо мне, в Москву я, что ли, эти рюмки потащу...

– Ну, салатницу купите, даром отдаю.

– Да не надо. Иди, мать, иди. Не куплю ничего.

Мать. Вот же сволочь! Мать! Надьке было тридцать семь, мужик же по любому сороковник уже разменял. И – «мать» называет. Ну да, одета она не по модным журналам – куртка, штаны стёганые, кепка. Так одевается Надька не чтоб по подиуму ходить, а чтоб всю ночь через пути бегать и сувениры продавать. Чтоб удобно было, тут не до фасона. И лицо, конечно, от вечного недосыпания красотой не светится. Но не настолько же она старухой выглядит, чтоб её этот боров «матерью» называл. Надька уже приготовилась сказать мужику какую-нибудь ответную гадость. Но тут девушка из последнего вагона окликнула её:

– Женщина, а почём рюмки продаёте?

– Триста рублей всего, – Надька бросилась к потенциальной покупательнице. – Такие в магазине пятьсот стоят. Нам денег не платят, вот...

– За двести возьму, дороже не нужно. Нам с ребятами сейчас выпить. – От покупательницы пахло спиртным. – Нет, так из стаканов допьём, не страшно.

– Красавица, ну никак за двести не могу. У них своя цена четыреста. На работе не платят просто...

Долго торговались, девушка доставала рюмки из коробки и придирчиво рассматривала их в тусклом свете вокзальных фонарей. Наконец, сошлись

на двухстах пятидесяти. Дамочка ушла в вагон за кошельком, Надька переминалась у дверей с ноги на ногу. Рюмки стоили сто пятьдесят. Что ж, столтник удалось заработать. Только на этом поезде уже не продать ничего, не успеешь.

– На третий путь прибывает фирменный поезд «Волжанин» сообщением Ульяновск – Ярославль. Стоянка поезда пятнадцать минут. Будьте внимательны и осторожны, на третий путь...

На третий... На другую платформу. Только бы успеть. Огни локомотива уже показались вдалеке. Наконец покупательница принесла деньги. Надька отдала ей коробку с рюмками, не считая, сунула в карман мятые купюры и метнулась через пути перед самым носом поезда. Успела выскочить в последнюю секунду, в спину ударила воздушная волна, сзади загрохотал состав. Повезло. Не всем так везёт. Много лет назад под колёсами локомотива погибла мать. Надька и не помнила её толком, маленькая была.

Родители одними из первых стали продавать стекло пассажирам ещё в начале Перестройки. Ну, как только милиция перестала преследовать мелких торговцев, так они и вышли на промысел. В те годы вроде как бизнесменами считались, предпринимателями. Днём работали на стеклодувном заводе, а ночью сбывали продукцию. Когда действительно полученную вместо не выданной зарплаты, когда ворованную. И дела вроде как шли неплохо, по крайней мере – на еду всегда хватало, на сытную еду даже. Других критериев успеха Надькина семья не имела. Но однажды мать, перебегая перед поездом, оступилась и попала под колёса. Несколько часов бригада следователей, зло матерясь, собирала то, что было когда-то Надькиной мамой из под состава вдоль всей платформы. Хоронили потом, что удалось найти, в закрытом гробу.

Надьке тогда восемь лет было. После смерти жены отец начал дочь брать с собой на промысел. Одному не вариант. Очень многие жители посёлка

уже освоили к тому времени этот бизнес, у проходящих поездов торговать. Конкуренция просто сумасшедшая была. Так-то все соседи, друзья-приятели. Улыбались друг другу, удачи желали. Только вот стоило отвернуться хоть на секунду – пакостили соперникам по коммерции как могли. То пнут изо всех сил по коробке со стеклом – товар вдребезги, одни убытки. То плюнут на упакованный хрусталь или ещё чем похуже испачкают. Ну и воровали все, всё и у всех, само собой. Так что – одному торговать несподручно, ночью особенно. Ни в туалет отойти, ни просто отвлечься. Поначалу Надька сама коробки не таскала, лишь страховала отца, со стороны присматривала. Да училась – как проезжому лоху безделушки втридорога впарить, как брак продать, чтоб покупатель не заметил, как через пути перебежать. Это хоть и опасно, конечно, но по-другому никак – четверть поездов пропустишь, обслужить не успеешь, если с платформы на платформу вовремя не перескочишь. Риск, да, большой риск. Но иначе не заработаешь.

– Молодые люди, купите девушкам цветочки хрустальные. Настоящие завянут, а эти вечно стоять будут. Что? Да сам ты пошёл, козлина!

Но потихоньку и маленькая Надька начала товар продавать. Сначала мелочь всякую. У ребёнка брали неплохо, жалели, наверное. Отец ассортимент расширил, кроме стеклянных сувениров местного производства начал продавать пассажирам поездов сигареты, пиво и водку. В горбачёвские-то времена это большой дефицит был. А батя доставал где-то, прибыль имел огромную. Вроде как богатство в дом пришло. Вроде как деньги свободные появились. Отец говорил, что подкопят они немного и навсегда уедут из посёлка. Куда-нибудь, на скором поезде, навсегда. Может, в Москву, а может, и в Сочи. Да хоть бы и в Круглое Поле. Отец родился здесь, вырос, кроме как в армию никуда и не уезжал. Ну и Надька тоже, само собой. Только всё никак не получалось

накопить-то на новую жизнь. То одно, то другое.

– Ваза сколько стоит?

– Только вам за шестьсот рублей отдам. У неё своя цена семьсот, просто остатки сейчас продаю подешевле, да.

– Женщина, а у вас тут скол какой-то...

– Где скол? Что вы, это дизайн такой, неровный край, модно так. Знаете что, девушка? А берите за пятьсот! Вы мне понравились просто, так по-человечески. Глаза у вас добрые. Так что пусть пятьсот будет. Берёте? Сейчас в коробку упакую.

Надька поставила найденную неделю назад на помойке и потом несколько дней реставрируемую клеем и цветными фломастерами вазу прямо на асфальт, достала из рюкзака за спиной коробку и упаковочную бумагу и стала тщательно заворачивать товар. Не из любви к покупателю, а чтоб миловидная блондинка не распаковала и не рассмотрела как следует приобретение, пока поезд не уехал. Иначе непременно выскочит и скаandalит начнёт. А зачем это Надьке? Шесть минут осталось Ульяновскому здесь стоять. Вот на шесть минут и нужно бумаги наvertеть. Надька отдала товар, взяла деньги и направилась к зданию вокзала. Удачная ночь, идут продажи. В последнее время часто бывало, что и вообще без копейки домой возвращалась. А сегодня уже двое покупателей было.

Можно отдохнуть чуток. Следующий поезд будет только через полтора часа. Сзади загромыхал колёсами «Волжанин». Надька плюхнулась на скамейку и достала из рюкзака варёные яйца, колбасу и хлеб. Уехала ваза, сбaгрила. Хорошо! А блондинку ту не жалко. Так ей, дурище, и надо. Ничего, не обеднеет, а Надьке ребёнка кормить надо, да и самой жить.

Отец всегда ненавидел этих, которые в поездах едут. Потому что нет в мире справедливости – одни во всяких купе с плацкартами путешествуют себе в удовольствие, а другие ночами не спят, по перрону бегают, работают,

чтоб семьи свои обеспечить. А на чьи деньги, спрашивается, эти в купе-то своих сидят? Вот то-то!

Вальяжные пассажиры выходили из вагонов как из другой жизни, далёкой, мчащейся и недоступной. Лениво рассматривали товары местных коммерсантов, иногда что-то брали, доставая из кармана целые пакки купюр. Паразиты! Маленькая Надька когда-то смотрела на них со звериной злобой. Но с годами научилась прятать взгляд, улыбаться. Улыбка помогала в работе. Улыбка помогала вырвать свой кусок из грязных лап пассажиров проезжающих поездов. Ничего, когда-нибудь можно будет не улыбаться. Когда-нибудь настанет время. А пока – ладно.

Кусок колбасы выскользнул из рук и упал на вокзальный пол. Пришлось вставать, отложив в сторону коробку с товаром, поднимать еду и тщательно вытирать об штаны, прежде чем съесть. Наконец, покончив с перекусом, Надька решила подремать часик. Включила будильник на дешёвом телефоне, чтоб не проспать, как в прошлый раз. Уснула быстро, помогла многолетняя выучка отдыхать вот так, в кратких перерывах между поездами.

Мобильный заиграл Моцарта. Надька встала и вновь направилась на перрон.

– Скорый поезд № 64 сообщением Новосибирск – Мурманск прибывает на второй путь. Стоянка поезда двадцать три минуты. Будьте осторожны, скорый поезд...

Отец хотел уехать, да. Говорил – вот заработаем. Только заработки стали падать. СССР развалился, наступило новое время всеобщей коммерции. Каждый второй житель посёлка стал выходить на платформу торговать всякой ерундой. Конкуренция, не на жизнь, а на смерть. Да ещё по новым порядкам бандитам приходилось отстёгивать. Денег не хватало даже на еду, хотя Надька уже наравне со взрослыми коробки таскала. Тогда отец способ придумал – покупал в магазине бутылки с уксусом, они копейки стоили. Клеил на них водоч-

ные этикетки и сбывал подвыпившим пассажирам чуть дешевле, чем другие торговцы настоящую водку. Худо-бедно получалось сводить концы с концами года два. Но вот кто-то из покупателей окочился. Наверное, и раньше умирали, только внимания никто не обращал. А этот какой-то непростой был, то ли из начальства, то ли из криминала, не поймёшь. Короче, милиция копать начала. И отца посадили на шесть лет. Надька осталась на попечении бабушки.

– Мужчина, купите своим сувениры, ручная работа.

– What would you like?

– Только лакать хочешь, пёс нерусский. Дамочка, собачку хрустальную не возьмёте? Счастье приносит в дом, очень сильный оберег. Ну, нет так нет...

Бабушке на Надьку наплевать было. Бабушка носилась по каким-то собраниям Совета ветеранов и митингам в защиту светлой памяти Сталина. Днём Надька кое-как с двоек на тройки училась в школе, а ночью ходила на станцию работать. Уже со своим товаром, одна. Уже как взрослый и полноценный добытчик.

На еду и одежду хватало, главное. А так – по-разному бывало. Однажды, когда Надька возвращалась с работы, её чем-то ударили сзади по голове и украли все деньги. Если б прохожие утром её случайно в кустах не заметили и скорую не вызвали, умерла бы. Месяц в больнице провалялась, потом снова на станцию пошла.

Когда ей только четырнадцать исполнилось, два страшных татуированных мужика затащили в вокзальный туалет и изнасиловали по очереди. Став первыми мужчинами в жизни. Пригрозили, что расскажет кому – найдут и убьют. Но Надька и так бы не рассказала. Когда отпустили, схватила свою коробку и побежала на платформу торговать дальше. Лишь на следующий день не пошла в школу и проревела в подушку несколько часов.

– Ой, какой малыш серьёзный! Сколько тебе годиков?

– Шесть...

– Шесть? А я думала восемь уже, такой серьёзный. Смотри, какая собачка красивая. Попроси маму – она тебе купит.

– И сколько ваша собачка стоит?

– Двести рублей всего. Даром отдаю.

– А стекло ведь, ребёнок не поранится?

– Да что вы, это специальное стекло, небьющееся. Для детских игрушек разработанное на нашем заводе.

– Давайте подешевле...

– За сто восемьдесят уступлю, такому серьёзному малышу. Ути-пути...

Кое-как закончила восемь классов и бросила учиться. Иногда устраивалась куда – то на почту, то уборщицей в универмаг. Но основным заработком, делом жизни была вот эта ночная торговля.

Вышел из тюрьмы отец. Пару раз сходил на станцию вместе с Надькой, а потом вдруг запил вчёрную, без остановок. Воровал торговые деньги и бабкину пенсию, пропивал из дома вещи. В конце концов, Надька стала покупать ему по литру водки каждый день – так дешевле обходилось.

– Зачем ты пьёшь? – спросила Надька. – Из-за тюрьмы? Там страшно было, да?

– Нет, наоборот, – ответил отец, – там было лучше, чем здесь, понимаешь. Там, в зоне, знал – вот кончится срок, выйду на свободу, новая жизнь начнётся. А здесь, на долбаном этом полустанке что? Никуда отсюда не уйдёшь, никакой свободы впереди, никакой новой жизни не будет. Всё, тупик.

Надька не поняла. Вообще. Через несколько месяцев после освобождения отец повесился. В сарае, пьяный, само собой.

– Женщина, женщина! Вы сказали, что стекло небьющееся, а ребёнок разбил. И порезался сильно. Женщина, пождидите. Остановитесь немедленно!

Дурная мамашка бежала по платформе с осколками собачки в руках. Тьфу ты, как некстати. Теперь из-за полтинника прийдётся этот по-

езд бросить, больше не продашь ничего. Ладно, хоть отойти успела далеко, не догонит, дурища. Надька прыгнула в узкую щель между платформой и вагоном и нырнула под состав. Коробку с товаром при этом держала на отлёте, чтоб ничего не разбить. Опыт был, не в первый раз. Вылезла с другой стороны и поковыляла к зарослям кустов. Ничего, пересидит, пока этот поезд не уедет, подождёт. Ведь не станет же тварина эта из-за пореза скорую и милицию вызывать? Поорёт, перебинтует своего спионогрыза и дальше поедет. Ничего.

Надька села прямо на грязную траву, при лунном свете начала переключать остатки товара в коробке, чтоб смотрелись выигрышной. Ещё один поезд, ну два и всё. Домой пойдёт, отдыхать. К Мишке, сыну.

Сына ей тоже железная дорога подарила. Красавицей Надьку назвать нельзя было, даже в молодости. Парня у неё никогда не было, ну кроме тех двоих уголовников в вокзальном туалете. Да и то – какие парни в их посёлке. Кто поумнее и посамостоятельнее сразу сбежали, кто в армию, кто в город учиться. И не возвращались обратно. А прочие лишь пили с утра до ночи, дрались и в тюрьмах сидели. Им и на красивых-то девчонок плевать было, а уж на Надьку и подавно. Но вот несколько лет назад появился в её жизни проводник поезда Тбилиси – Петрозаводск. Маленький грузин проезжал со своим купейным вагоном через их станцию дважды в неделю – туда и обратно. Как-то угостил Надьку алычой. Как-то из Петрозаводска магнит на холодильник подарил. Потом стал пускать в вагон. Это большая удача была – многие пассажиры из поезда на станциях не выходят. Если пробежать по составу – гораздо больше стеклянных безделушек продать получалось. Но без знакомых проводников кто ж тебя с коробкой в поезд пустит? Несколько раз Надька в поезде торговала. А потом проводник пригласил в своё купе и предложил вроде как рассчитаться за услуги. Да Надька и сама не против была. Не красавец,

конечно, пожилой уже и толстый. Так и она не фотомодель. Ну и закрутилось у них... Скорый Тбилиси – Петрозаводск стоял на полустанке тридцать две минуты. Из которых десять минут Надька уделяла романтическим отношениям в служебном купе, а двадцать две минуты продавала рюмки и вазочки по вагону, два раза в неделю. Но потом война с Грузией случилась, все поезда оттуда отменили. И Надька вновь осталась одна, беременная к тому же.

Рожать решила сразу. Потому как потом, может, и не от кого будет. А ребёнок нужен. И в старости опора, и на станцию вместе ходить. Так появился на свет сын Мишка. С которым сидела Надькина бабушка. Сама-то она вся в работе. Ночь на станции, днём поспать немного, товар новый купить, подремонтировать если нужно. Дела, заботы. Но сына любила, всё для него, всё ради него. Твёрдо решила – пока тому двенадцать лет не исполнится, на торговлю его не брать. Почему именно двенадцать, Надька и сама не знала. Просто решила так – и всё. Пусть у пацана детство беззаботное будет, раз у неё не сложилось. Ну, бабке по хозяйству помогал, само собой, а так кроме школы и не делал ничего. Пусть. Пусть, один у неё сынок, единственный. Как-нибудь уж.

– Скорый поезд № 72 сообщением Хабаровск – Смоленск прибывает на первый путь. Стоянка поезда шестнадцать минут. Будьте внимательны и осторожны, скорый поезд ...

Надька встала с земли, подхватила свою коробку и направилась к первой платформе. Замечталась что-то, задумалась. Бывает. Со всеми бывает.

Вот отец уехать мечтал. А куда ехать-то? Где лучше? Везде всё одно и то же, а здесь хоть поезда подолгу стоят, торговать можно. Через их посёлок шла половина всего железнодорожного потока огромной страны. Здесь разъезжались по сложному переплетению путей встречные составы. Здесь меняли локомотивы. Здесь проверяли вагонные

оси, сцепки и коммуникации, проводили мелкий ремонт. Оттого и стоянка долгой была, по двадцать-тридцать-сорок минут, бывало, и по часу.

Другая половина российских поездов следовала через станцию Узловая-Север в трёхстах километрах. Там тоже надолго останавливались. Все же прочие платформы и полустанки поезда дальнего следования проскакивали без остановок. Ну, или на минуту-две тормозили. Так что жизнь здесь и на Узловой-Север куда лучше, чем в других местах. Условия для бизнеса есть, для развития. Крутись, инициативу проявляй и всегда сыт будешь. Повезло им. Глупо отсюда уезжать куда-то.

Много лет назад Москва выделила средства на строительство нового железнодорожного разъезда – сложной системы развязок, депо и передвижных ремонтных мастерских. Грандиозный проект, при осуществлении которого время стоянки сократилось бы в десять раз. А значит, десятки мелких торговцев, таких как Надька, остались бы без работы. К счастью, местные власти проект похоронили. Злые языки утверждали, что деньги, выделенные на строительство, просто разворовали. Но Надька верила, что губернатор и мэр позаботились о согражданах и специально не позволили осуществить стройку. Спасибо им! Люди зря болтают, власть думает о народе, о таких вот простых гражданах, как Надька, да. О грандиозном плане железнодорожной реновации теперь лишь разрытый и перекопанный бульдозерами участок в километре от станции напоминал. А поезда по-прежнему долго стояли.

– Граждане-друзья-товарищи, подарки покупаем, о родных-близких не забываем. Эксклюзивные изделия наших мастеров-стеклодувов, нигде в мире больше таких не делают.

– Соотечественники, чем можете помогите участнику боёв в Донбассе, – навстречу Надьке протяжно завывая заученный текст ковылял одноногий Васька-ветеран, – ездил на Украину, защищать русских братьев от фашист-

ского режима. Подорвался на бандеровской мине, потерял ногу. Пенсию не платят, пенсии только военнослужащим, а я доброволец, по зову сердца. Помогите, чем можете.

Васька... Четвёртый Надькин мужчина. И последний, наверное. Много лет уже встречаются. Летом часто, зимой реже. Васька в общежитии обходчиков живёт, койка в общем бараке. А Надька с сыном у бабки, хоть и свой дом, а одна комната, не приведёшь никого. Вот помрёт бабка, Надька Ваську к себе жить возьмёт. Вроде, как любовь у них. Да, наверное, любовь...

– Привет, Надюха, голова два уха. Смоленский уедет, пошли в посадку сходим?

– Не, я устала. В другой раз. Домой пойду, отдохнуть.

– Ну, смотри, моё дело предложить...

– Устала, в другой раз, Васенька. Девушка, правильно смотрите, замечательная салатница, сто лет прослужит. Сама из такой ем, очень красивая. Триста пятьдесят рублей всего...

Конечно, Васька не на войне ногу потерял. Уснул пьяный на улице зимой, ещё при коммунистах, и отморозил. Отрезали, ладно хоть вторую ногу спасли. С тех пор он на станции побирается. Неплохо зарабатывает, надо сказать. Сначала как ветеран Афганистана деньги клячил. Потом – много лет как участник боёв в Чечне. Но чеченцы вдруг опорой государства стали, главными патриотами России. И про ту войну вспоминать стало как-то неприлично. Но тут, к счастью, Украина подвернулась. Героическому защитнику Святой Руси от кровавой киевской клики подавали неплохо. Васька выходил на промысел в камуфляжном комбинезоне с какими-то медалями на груди, тельняшке, малиновом берете и берцах. Короче, очень воинственный ветеранский вид имел, чувствовалось – много человек повидал, много пережил. Ну и да, костыли само собой. И картинно заколотая штанина камуфляжа, чтоб отсутствие ноги издали видно было. А ещё Васька всегда в

наушниках ходил. Кричалки свои орёт, гражданам на жалость давит, а сам радио слушает. Оттого он начитанный, культурный. И вообще, хороший мужик, положительный. Пьёт только дома после того случая, на улице – ни-ни. Как такого не любить!

– Парни, смотрите стопки какие красивые. Домой приедете, женщин своих порадуете. Конечно, женщина всегда красивой вещи в дом радуется. И вас после такого подарка не обидит. Ну? Двести рублей всего.

– Надюха, Надюха! – Васька-ветеран бежал обратно по перрону, смешно размахивая костылями. – Слышь, Надюха, по радио передали сейчас: на Узловой-Север какой-то баран с переводом стрелки налажал. Товарняк с пассажирским лоб в лоб сшиблись, прикинь.

– Ой, погибших, наверное, много.

– Откуда я знаю. Если на полном ходу, со всей дури – все, наверное, погибли, как иначе. Да и хрен с ними. Не о том думаешь. Там сейчас месиво, вся дорога завалена. Пару дней разбирать будут и жмуrows доставать. Так что – все поезда через нас пойдут. Все! Прикинь, бабла сколько поднять можно. Ты не вздумай отдыхать! Фигни всякой ещё притащи и давай работай. Когда фартит, так грех удачей не пользоваться. Вот повезло, так повезло! Давай, Надюха, сейчас пойдёт нам!

Надюха понеслась домой, распихала весь товар по коробкам. Разбудила Мишку.

– Пойдём, сынок, мамке поможешь.

Ну, нет ему двенадцати, ничего. Она ж его не торговать заставляет, только посторожить барахло в здании вокзала. Никак по-другому. Товара много, всё надо тащить. Такая возможность

редко выпадает, глупо не воспользоваться.

Через час Надюха вновь была на станции. Начали пребывать первые поезда по изменённому маршруту.

– Скорый поезд № 61 сообщением Омск – Тверь прибывает на третий путь, стоянка поезда...

– Фирменный поезд «Камчатка» сообщением Петропавловск-Камчатский – Калининград прибывает...

– Пассажирский поезд № 825 сообщением Биробиджан – Брянск...

Надежда металась в переплетении стальных рельсов. Вот выпало счастье, теперь важно самой грамотно ситуацией распорядиться, встать где нужно, не прогадать, не упустить своё... Понять, где лучше, где выигрышней. Ведь этой ночью может всё измениться, всё по-другому пойти. Как, почему? Не важно. Главное – может.

– Скорый поезд № 6 сообщением Пекин – Варшава прибывает на седьмой путь...

– Скорый поезд № 29 сообщением Дели – Мадрид прибывает...

– Фирменный поезд «Атлантика» сообщением София – Амстердам...

– Скорый поезд № 73 сообщением Сидней – Нью-Йорк...

Люди с шальными глазами бегают между железнодорожных путей, прижимая к груди картонные коробки со всякими безделушками из стекла. Только бы успеть, урвать, не облажаться, обойти конкурентов...

– Внимание, по третьему пути проследует фирменный поезд «Жизнь» сообщением Разум – Счастье. Поезд следует без остановки. Будьте внимательны и осторожны. Впрочем... Расслабьтесь, вас всё равно не заденет.

